

A close-up portrait of a young woman with light-colored hair and eyes, looking directly at the camera. Her hands are positioned around her face, with fingers spread, framing her features. The lighting is soft and directional, highlighting her skin texture. She is wearing a dark red top.

Ольга Апреликова

**ЖУТКИЕ
СНИМКИ**

ЖИЗНЬ НА ТВОЕЙ СТОРОНЕ

Ольга Апреликова
Жуткие снимки
Серия «Виноваты звезды»

Текст предоставлен правообладателем

<https://litres.ru/51848497>

Жуткие снимки / Ольга Апреликова: АСТ; Москва; 2020

ISBN 978-5-17-121421-0

Аннотация

<p>Братик погиб, мать уехала, а у отца новая семья в другом городе.</p> <p>Но она сможет выжить одна. Сможет не сойти с ума от тоски по братишке, призрак которого просится жить в ее рисунках.</p> <p>Выдержит ненависть бабушки, которая не считает ее родной внучкой, и не сломается, узнав, что было скрыто в заколоченных комнатах их квартиры.</p> <p>Вступит в схватку, когда уцелеть нет никакой надежды, никаких шансов.</p> <p>Только вера в чудо.</p>

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	26
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Ольга Апреликова

Жуткие снимки

Глава 1

Кошачья удача

1

Май был холодный, дождливый. Мерзкий. Мурку знобило. В Большом зале Академии с громадным и, наверно, красивым провалом посередине пахло влажным гипсом. И тухлятиной – это все штукатурка цвета мяса на стенах. И камень – лестница, колонны, фризы и прочие штуки – тошнотного, землистого цвета старых костей. За все месяцы подготовительных она так и не привыкла ко всему этому, по-прежнему чувствуя себя червячком в грудной клетке издохшего великана. Ладно, нытье ни к чему не приведет. Надо рисовать. Она нашла в разбухшей папке чистый лист – даже бумага влажная, что ли? Пальцы замерзли. Все замерзло. Присобачив лист на фанерку (тут много таких заляпанных, поживших фанерок на перилах валялось), откопала в сумке перехваченный резинкой пучок карандашей – половина тупые.

Искать ножичек? Пофиг. Всего сорок минут до занятий: в тот раз задали рисунок с этого – иногда казалось, что шевелящегося – пергамского хентая сделать, а она забыла, конечно. Ладно хоть на алгебре вспомнила, после школы домой не пошла и сюда скорей. Хорошо, что близко. Снаружи дождь... Шорох по стеклянным квадратикам купола... Все серое, свет – серебряный, нежный, как колыбельная... Свет – дрянь! Мало света, ну и что: рисуй, дура! Она уставилась на кусок хнычущего мужика. Или лучше кусок лошади: нога, ребра, брюхо? Или вон тот мужик, спина и задница, а башки нет? Ну, без башки – оно спокойнее...

Осторожно она поднесла серенькое острие к бумаге: вот это первое соприкосновение графита с шероховатой поверхностью самое опасное... ой. Блин, так и знала: карандаш оставил нежный контур Васькиной щеки – ямочка, изгиб и выше, к синей тени виска... Васька мог проявиться в любой миг, везде, стоило только моргнуть: в трещинах на потолке над ее кроватью, в рисунке обоев, в изгибе стволов и веток деревьев, в траектории полета баклана над Невой – да вот только что, в маршрутке: дождевые капли по стеклу поползли чуть вбок и нарисовали дрожащий Васькин профиль – будто он плачет, бедный, плачет опять... А тут щека эта, висок... Пусть пока побудет. Надо искать стерку. Или не надо? Закусив губу, прищурившись, она провела твердую, точную, грязную линию мужского торса, потом – второй бок, посмотрела, куда тянется линия бедра... Дело пошло. Шт-

ришочки-черточки. Растушевочка. И мышцу – четче, четче, чтоб дрожала: его ж рвут на куски, этого каменного мужика. Битва жизни. Но взгляд невольно притягивала Васькина щека на краю листа: как бы скорей дорисовать ушко, жесткие белые волосы... тонкую шею... Стоп, дура. Кабана этого древнего давай рисуй.

Мимо проходили, зябко кутаясь, то студенты, то препода – никому, к счастью, не было до нее дела. Ну, рисует девчонка с подготовительных – так тут таких полно. От визгливой мелочи с детских курсов до бледных старшекурсников. Вот метров за десять от нее хилый парень приволок аж мольберт выше себя ростом, и на бумаге там у него – будто увеличенная фотка куска этого Пергама. Хилый – он безопасный. На богомола похож... Молчит, сопит, горбится, ничего кроме рисунка не видит... Она посмотрела на свой лист с куском серого мужика: в общем, годно. Но еще полно работы. Ваську только надо убрать, чтоб не отвлекал, бедный, и она быстро, боясь задуматься, стерла его. Васька отомстит, конечно, вылезет – сколько она рисовала и рисовала его, братика ненаглядного, а ему все мало. В папке вон половина рисунков – Васька, Васенька. Отовсюду лезет. Жить хочет. Ладно, вечером нарисуем...

Запах. Вдруг. Запах лимончика и сказки, и еще чего-то... как ясный день, как белые цветы на солнце... Она подняла голову и вслед за ароматом проводила взглядом великолепнейшую златовласую красавицу: рослая, нежная до сияния

девушка, уверенная – и ноги от ушей. А грудь... Поддрагивает под белым трикотажем, кружавчики просвечивают. Мурка поплотней застегнула джинсовую куртку, чуть поддержнула ее вверх, чтоб там, где розовые прыщики под пуш-апом, образовалось побольше объема. Посмотрела вслед красотке – какие ноги! Какая задница – ну, богиня с постамента в Летнем саду! А у Мурки и зада-то как такового нет, одни кости – сидеть больно, к шестому уроку изъерзаешься. Вот восемнадцать лет – есть. В марте исполнилось, и их класс отметил на детской площадке за школой пополнение обоймы совершеннолетних. Пиво дрянь было, правда, но на лучшее денег не набралось. Ребята не обиделись, поржали, попили, подарили дешевую коробочку коротких цветных карандашиков из «Буквоеда» напротив школы и один нарцисс. Мурка чуть не заревела, но удержалась как-то. А других подарков не было. Бабка и знать не знала, наверно – хотя, говорят, это она ее таким дурацким именем наградила – Марта... Отец, понятно, не вспомнил, мать... Да ну ее. Мурка сама себе день рожденья отметила: насчитала монеток – купила пакетик ирисок в желтых фантиках, Васькиных любимых, и сидела тихонько в комнате, рисовала подаренными карандашиками Ваську: как если б он был живой, настоящий, смеялся бы, нарядный, и они отмечали бы ее день рожденья так, как в прошлом году... Стоп. Нельзя.

Ладно, вечером дома надо его в цвете нарисовать. От этого решения сразу стало легче. Ох, ну как все же холодно-то!

Она погрела ладошки дыханием, мрачно глядя на уходящую в сумрак громаду Пергамского алтаря, и снова взялась за карандаш.

...Про что это мы только что так хорошо думали? А, про восемнадцать! В смысле, толку-то: восемнадцать есть – а зада нет. То есть зад – как у Васьки, тощий. А не какой должен быть у взрослой, вроде как совершеннолетней девушки. А что поделаешь? Она – такая: мелкая, тощая. Восемнадцать никто не даст.

Она невольно снова посмотрела вслед божественной заднице в дорогах джинсиках-скинни. Лучше б не смотрела: навстречу златовласке спешил крупный, веселый, длинноногий рыжий парень в белой фуфайке, сиял глазами, зубами, вихрами, бородкой. Светился золотом в этом сером сумраке – как бог. Мурка хотела что-нибудь злобное подумать и про него – но почему-то не вышло. Уж больно он был хорош. Такой тяжеленький, литой, красивый, большой – и видно, что добряк. Или притворяется? Светится, правда светится... Да фиг с ним, надо рисовать... Ой, они целуются... Взгляд рыжего поверх нежных локонов его девушки пролетел мимо колонн и, как горячий мяч в баскетбольную корзину, влетел в Мурку, скользнул сквозь веревочные узлы нервов и выпал в сладкую дыру. Ой. Светло внизу, и мягко отнялись ноги. Сердечко затряслось. Мурка скорей опустила взгляд на бессмысленный рисунок, заскребла грифелем, – ай, блин, да тут уже не надо штриховать; схватилась за стерку – и нечаянно сно-

ва посмотрела на рыжего поверх фанерки с криво приклепленным рисунком: ой, нет, он в самом деле светится... Рыжий смотрел спокойно, прямо ей в глаза, что-то шепча на ухо своей красотке. Очень ясно смотрел непонятым взглядом. Заметив Мурку. Запоминая ее. Мимоходом так не смотрят. Жадно, что ли? Зорко? Что ему надо? Мурка спряталась за фанерку: скорей дорисовать, а золотого рыжего – забыть.

2

В пятницу настала такая классная теплая погода, что она, прихватив в буфете пирожок с картошкой, смылась с пятого и шестого уроков и, музыку в уши, промчалась по Кировской мимо дома, потом по Пестеля мимо Академии, перебежала по мостику Фонтанку и свернула налево, в Михайловский сад. А то в Летнем глухих углов, где можно спокойно порисовать, толком и нет. И все статуи уже по два-три-четыре раза перерисованы, да и турье ходит, через плечо заглядывает: «Oh, what a cute little artist! A real little angel! What a beautiful drawing! How well you can draw, sweet girl!» Тьфу. Приятней, конечно, когда деловая овца в седых кудерьках сразу спрашивает: «How much is your drawing?»¹ Тогда – польза. Прошлым августом она, снаружи литтл ангел, внутри черная

¹ Что за хорошенький маленький художник! Настоящий маленький ангел! Какой прекрасный рисунок! Как хорошо ты умеешь рисовать, милая девочка! Сколько ты хочешь за свой рисунок? (Англ.)

могила – в Летний являлась как на работу: беретик, красная юбочка, белые носочки, эскизник побольше, букет карандашей потолще, улыбочка – а горе поглубже в брыжейки. Бизнес. Но сегодня она хотела не зеленых бумажек, а просто порисовать Ваську, поэтому пошла в Михайловский, в угол к дворцу. Народу в саду было на удивление немного, пахло летом, чирикали мелкие счастливые птички. Нашла в зеленых пространствах свободную лавочку, достала Васькин альбом и сборник егэшечных тестов по русскому – до экзамена две недели. Сделала набросок, решила задания с первого по десятое. Подошли две рыбообразные скандинавы, спросили: «Miss, how to get to the castle of the strangled tsar?»² – объяснила, показала. Подумала о замечательной истории Отечества. По дорожке прыгали растрепанные воробушки, обалдевшие от солнца – ну и что. Ну их. Надо заниматься. Решила тест до конца, взялась было за Васеньку – тут московский дрищ в зеленых штанишках, ляжки лягушачьи, подошел, заквакал: «Милааая девочкаа, а гдее тут у вааас Летний саад ваащее?» Проявила стойкость и выдержку, не послала куда следовало бы, а на чистом, кодифицированном русском языке объяснила, показала – и с головой ушла в тест.

К четырем она отсидела задницу, решила пять тестов и нарисовала двух Васек. Постарше – получился нервный, испуганный, жалкий, босиком в драных джинсах: такой, каким он, не зная, доживал свои последние дни, пришибленный,

² Мисс, где находится замок задушенного царя? (Англ.)

измотанный гадскими гадами, папочкой и мамочкой – все нервы из пацана вымотали, твари. Будто много их там было, нервов-то. Наверно, два крошечных золотых клубочка: вот клубочек – «Мамочка, не расстраивайся!», вот клубочек – «Папочка, не сердись!» Твари. Только о себе думали. Потом повыли, конечно, но после похорон – опять. Даже в сто раз хуже, грызлись и грызлись... Ладно, стоп. Не реветь же тут, на ясном майском солнышке, у датчан и мурманчан на виду.

Васенька помладше который – получился совсем няшечный, глазастый, с мягким детским пузичком, сам весь голенький как яблочко, нежный, с тряпочным зайчиком в руках. Этого кривоватенького зайчика из клетчатой фланели она сама для него сшила, когда ей было, как сейчас ему, двенадцать, – а Ваське только шесть, и он был правда такой: гладенький, ласковый как кутя, тепленький, просил: «Нарисуй мне бегемотика! Собаку нарисуй! Хорошее – нарисуй!»

Куда делся зайчик-то, интересно? Вроде бы она его забирала с собой в бабкину квартиру? Да с такой жадной как сундук бабкой не то что клетчатого зайчика никогда не отыщешь – собственных кишок не найдешь, если без присмотра оставишь... Ох, а есть-то хочется.

Пирожок в рюкзаке завалился между учебниками и превратился в серый блинчик. Пах он прогорклыми столовскими противнями и школьной тоской, поэтому на обратном пути она скормила его уткам в сверкающей солнцем Лебяжьей канавке, а себе, по всем карманам штанов и рюкзака собрав

мелочь, купила эскимо в подвальчике на углу за мостом. Без спешки съела, разглядывая, как над Соляным переулком перед Академией натягивают тросы: опять, наверно, цветные зонтики развешат пестрым ковриком, как в прошлом году. Убого, конечно, но жизнерадостно, как игра клоунов. Ладно, пора.

В темном коридоре возле аудитории, где сегодня занятия по композиции, толклись и трепались знакомые подготавлишки, а в стороне – ой! – богиней инкогнито, в белом френчике с серебрушками, стояла, слегка светясь, та златовласая красотка. Пахла лимончиком и весной. Вроде как она смотрела в айфон, тыкала там что-то на экранчике, но Мурке показалось, что мягкий взгляд красотки исподтишка обволок ее неощутимо-теплым облачком и с интересом проводил за высокие двери. Чего это за интересы такие, а? И рыжий парень ее, золотой светящийся крупнячок, где?

Занятие по композиции сегодня не увлекло, хотя она любила возиться с треугольниками и квадратами в условной геометрии плоского пространства листа и выстраивать между ними любовь или войну. А когда о жирном тупом квадрате в центре она нечаянно подумала, что это – бабка в сундуке, тошно сделалось! Даже голова закружилась. Конечно, ритм рисунка развалился, как разваливалось все, к чему прикасалась бабка. Ужасная судьба. Ни треугольничку, ни кругу жизни не стало. Ух, запереть бы ее навсегда в каком-нибудь ящике, пусть там в своей отраве задохнется!

Блин, труда в рисунке сколько. Порвать, выкинуть и начать все сначала? Лень... А препод, похожий на соломенного шведского козлика, подошел, похвалил за выраженный композиционный центр – знал бы он, что там, в плотно заштрихованном квадрате, мечется и бьется тупой башкой об стенки косматая жирная вонючая ведьма в сползших чулках... Как же она прожила, что превратилась в такую жабу? Бесплезная у бабки жизнь. Помрет – всем только легче станет... Кто о ней пожалеет? Точно не Мурка. Отец? Да бабка и его достала... Затошнило – от голода, что ли? Она отпросилась выйти, хотя до перерыва оставалось всего пять минут. Вышла в серое гулкое пространство...

Они, эти белая с золотым-светящимся, сидели напротив двери на колченогих заляпанных табуретках – и вокруг них мерцало облако теплого света. Рыжий уткнулся в планшет, что-то малюя, а златовласка, нежно наклонив головку, греясь в его свете и тепле, внимательно слушала, что он там над экраном бормочет. Оба подняли на нее глаза – ясно, прямо, жадно и весело. Парень поманил рукой, девушка улыбнулась:

– Иди к нам, юный гений.

– Ага, – хмыкнула она. – Бегу.

И прошествовала в туалет в дальнем конце коридора. Пока мыла руки под фыркающей прерывающейся струйкой, в трещинках старого кафеля над раковиной проступила нежная щека с ушком и прядкой волос, потом бровка, изгиб

закрытого века... Мурка быстро провела мокрым пальцем, прочертив в тупой материи мира точный детский профиль: голова Васьки на миг ожила, дрогнула выпуклая ракушечка века... И все исчезло. Трещинки и мокрый след. Вот так всегда... Дура, на что обижаться? Она отошла, посмотрела в окно: май. Вечер. А как будто все еще день... Идти квадратики рисовать?

А эти двое все сидели напротив дверей в композицию. Да что ж им надо? Оба снова подняли головы, улыбнулись. Рыжий поманил рукой, показал пальцем в планшет: иди, мол, что покажу. Ага, щассс. Она уже прошла мимо, уже подняла руку открыть дверь – та с грохотом распахнулась на перерыв, из аудитории с визгом вылетела женского пола костлявая с подпрыгивающими сиськами юная тварь, а за ней прыщавый дурак. Мурка шарахнулась, но мосластый прыщ кувалдой вмазался в нее, снес – ее завертело, и, жалко мявкнув, она впечаталась в стену. Лопатки хрустнули. Поползла вниз. Вышибло слезы.

Но тут взметнулось пространство, большой рыжий теплый скорей отлепил от ее стенки, огладил по лопаткам – и те оказались целые. Но как же больно-то! Рыжий потащил в сторонку, и бледный прыщ крабом убрался у него из-под ног и смылся вдоль стены. Вокруг, бессмысленно гогоча и причитая, толпились сочувствующие кобылы. Отстранив их, рыжий посадил Мурку на табуретку, еще погладил горячими руками по лопаткам, по плечам:

– Все цело? Где больно?

– Норм. – Она, сморгнув слезы, наконец перевела дыхание. – Выживу. Руки убери.

Он убрал. Зато его златовласая богиня придвинула табуретку, обняла за плечи, окутав нежным запахом лимончика и сказки, заглянула снизу в лицо:

– А мне можно?

Какая ж она была теплая и свежая. И душистая. И тоже – большая. Мурка выпрямилась было, отстраняясь, но лопатки заломило, и она опять съежилась. Тут козликком вывалился преподаватель из аудитории:

– ... Что произошло-то, где травма?

– Да все нормально, Алексей Юрич, – златовласка, покрепче приобняв Мурку, прицельно улыбнулась: – Дети ж придурки, не рассчитал один, снес девочку. Ушиблась немножко, куда ей теперь рисовать.

– Да, но может...

– Мы проводим, она тут недалеко на Кировной живет, мы ее знаем!

Мурка онемела.

– Смотри, Яна! Я на тебя надеюсь! – выдохнул препод и отступил обратно в свет, духоту и гам аудитории.

Через минуту ее рюкзак и сумка с папками оказались у златовласой Яны в руках.

– Идем отсюда, – велел рыжий. – Дитё, ты есть хочешь? Что едят гении?

– Кости талантов, – буркнула она.

– Умная. – Они переглянулись.

– Вы тоже, – огрызнулась она. – Знаете меня, да? На Кирочной живу, да?

– На Кирочной, ага. Мы отследили. Понимаешь, не хотим тебя отпускать, – откровенно улыбнулся рыжий. – Да не бойся ты. Пойдем, в кафешке посидим, ты ж голодная, как бродячая кошка. И тощая такая же.

– Мы объясним, что нам от тебя надо, – добавила Яна. – Но не здесь же, а то это секрет. Пойдем кушать.

3

Рыжего звали Шведом – фамилия такая. Бывает. Жил он в дорогушем, похожем то ли на крепость, то ли на фабрику новом доме у Невы, отделанном благородными, коричневыми европейскими кирпичами, с какой-то исторической водочкой во дворе. Его квартира в три комнаты оказалась просторной, налитой светом, как эликсиром счастья, и почти пустой. Сиял белый паркет, везде пахло нежным Янкиным лимончиком. Мурке казалось, что ее пригласили в будущее, в нарядную позитивистскую фантастику, настолько далеко было отсюда до захламленной, пропахшей кошками и капустой бабкиной норы с комнатушками-пеналами. А тут! Простор и внутри, и снаружи! В комнате, которую Швед назвал студией, она замерла у окна: синяя Нева под беспредельным

западным небом, набережная изгибом, с зелеными ковриками газонов, с цветной дробью катящихся велосипедистов и роллеров, со сплошным потоком машин; за широкой Невой всякие красивые домики, трубы, купола; а вон – шлем Исакия, а это – штык Петропавловки... И золотое небо заката над невидимым за горизонтом морем.

– На. – Яна подала тяжелую белую кружку. – Рафчик. Красиво, ага?

– Красиво, – согласилась она, принимая пахучий кофе в обе ладони. – И там нереально нарядно, – она кивнула на синюю Неву, – и тут чистота... И творчество.

Комната была полна всяких фотоштурк вроде рефлекторов, у стены – несколько задников разного цвета, а в углу – строй компов с громадными экранами, громадный принтер, стеллаж с фотокейсами, с фотоаппаратами, с объективами в прозрачных коробках, с ворохами фоток в папках и без. Она снова повернулась к закату над Невой и нечаянно сказала:

– Вот бы тут пожить.

– Да живи, – тут же хмыкнул расставляющий серебристые зонтики Швед. – За молоком будешь ходить?

Мурка посмотрела на Яну: та улыбнулась безмятежно. Она не видела в худышке Мурке не то что соперницу, но даже просто самочку примата. А может, ей в этом замке над Невой просто нужна прислуга? Мурка глянула на Шведа:

– Ты шутишь?

– Нет. Ты нам нужна. Очень. Для важных съемок. Лучше,

если постоянно будешь под рукой, чем за тобой куда-то ездить. – Швед выпрямился, весь как бог золотой в сиянии заката из окна, и взглянул мягко и серьезно – у Мурки опять вздрогнуло в животе. – Времени не хватает ни на что. У Янки вон диплом, у меня – работа, концепт-арты и проекты по интерактивным средам. Да я, бывает, когда геймленды разрабатываю, по десять часов из-за компов не встаю, пиццу заказать некогда. А тебе что: школа скоро кончится, а ЕГЭ твое... Ну, что ЕГЭ, тебе тут всяко лучше заниматься, чем у бабки.

Мурка покраснела. Когда еще из кафе напротив Академии она звонила бабке предупредить, что не придет, из телефона вырвался бешеный поток помоев: разве что слово «курва» в нем было цензурным. Даже сидящий с противоположной стороны стола Швед все расслышал, не то что Яна рядом. Мурке еще никогда в жизни так стыдно не бывало: до слез, до удушья – а Янка всунула ей в руки свой нетронутый мохито, помахала в лицо кафешечной рекламкой и сказала:

– Не грузись. Старый больной человек, нервов, похоже, ноль. А ты – пей. Тут совсем немножко алкоголя. Реветь не вздумай. Ты слушай дальше... Ты поняла, что мы до этого сказали?

– Поняла. – Мятная ледяная мягкость напитка омыла ее обалдевший от Янкиного сочувствия умишко изнутри, успокоила. – Секса вам со мной не надо, так что бояться нечего. – Она погрызла крохотную ледышку – а что, секс – самое

страшное? – и посмотрела в экран планшета. Взгляд снова провалился в прямоугольный кусочек другой реальности: у серых перил Большого зала худенький понурый эльф в мокрой джинсовой куртке. И она, и не она. Как Швед такое делает? – А надо вам меня всяко-разно пофоткать, потому что у меня странная внешность.

– Ты не там, не здесь, – сказал Швед, не отводя вдумчивых теплых глаз. – Не ребенок – не взрослая. Не мальчик – не девочка. Вот я и вижу... Такое существо: ни возраста, ни пола. То ли ангел, то ли бес. Как подгримируешь. Короче, ты – то, что мне сейчас надо в проект. Ты очень мне сейчас нужна такая. А там посмотрим.

И Мурка согласилась. Переступила черту, отделяющую ее, бездомную кошку, от странной волшебной жизни Шведа и Яны. И ее в большой белой машине привезли сюда. В трехкомнатный замок над Невой.

Она отпила из тяжелой кружки густого сливочно-кофейного счастья и сама себе не поверила: неужели вот это она, ничейная бродячая Мурка, сейчас стоит у огромного окна в золотом свете заката и смотрит, как по медно-синей Неве идет белый пароходик? И что это именно ей говорят, что она – и «нужна такая»? Она – вот эта замухрышка с кучей проблем?

– Оставайся, – сказала Янка. – Вон у нас комната, где реквизит, мы туда почти не заходим. Диван там есть. В школу утром я тебя буду отвозить, все равно каждый день по Ки-

рочной проезжаю. Чего тут: через мост – и на месте.

Завыл телефон. Мурка достала его, оказалось – отец. Блин, это бабка уже наябедничала... Надо ответить:

– Да, пап.

Голос отца звучал так же раздраженно, как бабкин, но хоть без мата:

– Что там у тебя, не можешь без историй? Почему не дома?

– Я у подружки. – Яна и Швед переглянулись, притихли, слушая. Мурка не смутилась. – Пап, готовиться ведь надо. Первый экзамен через две недели. И в школе сплошные итоговые контрольные. Ну, пап. Ты ж знаешь бабушку.

Отец только хмыкнул:

– Ах да, точно. Ну ладно, школа. Что за подружка?

– Одноклассница. Мы готовиться вместе будем.

– А ты не врешь? – Тревожится он, как же.

– Пап, зачем? Да, я сбежала из дому, потому что бабка... Она невыносима, а мне надо как-то нормально экзамены сдать... Пап! Кинь мне денег, а то надо за июнь курсы оплатить. И за интенсив.

– Сколько?

– Семь триста.

– И все? А на что ты живешь?

– Да все нормально, пап. У меня все есть.

– Мать присылает?

– Ты знаешь, что нет. Пап, ну все, спасибо, жду. – Мурка

закончила разговор, посмотрела на Шведа и Яну: – Вот. Я наврала отцу. Зачем – не знаю.

– Ну наврала и наврала, – пожал плечами Швед. – Я б тоже наврал... Врать проще. Все равно не поймут. А что, ты только с бабкой живешь? А отец с матерью где?

– Отец в Нижневартовске. Нефтяник. У него новая семья. Деньги делает. А мать... Ну, у нее своя жизнь, э... эм, духовная. Она, в общем... – Мурка вздохнула и, снова вспыхнув, сказала, что знала: – Она квартиру нашу продала и деньги какому-то монастырю пожертвовала. Теперь там живет, в этом монастыре. В Подпорожском районе где-то. Это на севере области.

Швед и Янка переглянулись. Янка осторожно спросила:

– Она – нормальная? В смысле – просто очень верующая или...

– Или псих? Я не знаю. Святоша, в общем. «Доченька, я за тебя помолюсь, и ты молись, – заныла она материным голосом, – а денег у папы не проси, не надо нам неправедных денег, а лучше приезжай-приезжай, зачем тебе эта бесовская блажь, рисование твое проклятое, а мы тебя примем, душеньку твою спасем, себя познать поможем, а мне помощница очень нужна, приезжай». Как-то так, в общем.

– Поедешь? – почти всерьез спросил Швед.

– Нет. – Мурка знала, что к настоящей маме, той, какой она была давным-давно, пусть грубоватой, воняющей аптекой, вечно отмахивающейся, но веселой, она побежала бы

пешком в этот Подпорожский район, черт его знает, где он вообще! А вот к этой чужой, странной, серой женщине в платке, в затхлоЙ длинной одежде, вечно рассыпающей какие-то таблетки, все слова которой – прокисшая ложь... Она повторила: – Нет. Пусть уж как-нибудь без меня спасается. Еще помешаю ей живьем на небо влезть.

Пиликнул телефон: отец перевел деньги. На десять штук больше, чем она просила. Да, для отца главное – деньги и вторая семья, для матери – ее ритуалы. Каждому свое.

– Откупается, – кивнула на телефон Янка. – Слушай, не злись на них. Они ж чувствуют, что тебе не нужны. Ты сильная. Справишься. Сколько уже своим умом живешь?

Мурка пожалала плечами и допила кофе. Отец еще хоть как-то обращал на нее внимание, а рассчитывать на мать Мурке с раннего детства даже в голову не приходило. Швед хмыкнул:

– Ну, короче, думай сама. Пахать, конечно, придется и моделью, и ассистенткой на съемках, вон, зонтики расставлять обучим, но зато – нормальное место для жизни... Я б остался. Лето тут поживи, а там, если передумаешь с нами, – как поступишь, общагу попросишь или снимешь какую комнатку... Но независимость дорогого стоит. – Он глянул на фот в руках и вздохнул: – Янчик, найди дитю пару белых платьев... Ах да. Тебя как звать-то вообще?

– Мурка, – созналась она.

– Эм... Звучит мрачно и гордо. Что, прям так и звать?

Сейчас объяснить? Нет, немислимо. Этим золотым – и ту

историю? Нет, ни за что.

– Это привилегия, ясно? – улыбнулась Янка Шведу, потом так же лучезарно улыбнулась Мурке: – Не всем дозволено так тебя звать, правда?

– Секрет есть, да, – кивнула Мурка. – Но снаружи имеется объяснение попроще: у меня фамилия кошачья. Катцепрахт. Марта Катцепрахт.

– «Кошка какая-то»? Немцы, что ли?

– Да если и были немцы... То пра-пра-пра какие-то. Бабка... Фольксдойче, так это называется. Но я не слышала, чтоб она по-немецки говорила. Хотя в Советском Союзе среди немцев это в общем принято было скрывать.

Швед мрачно кивнул.

Янка скорей потыкала в телефон и засмеялась:

– «Прахт» – слава, блеск, роскошь, великолепие! Швед, мы что, поймали волшебную кошку?! Тут еще написано, что «Прахт» – это имя-талисман!

– Кошачья удача? – уточнила Мурка.

– «Кошачья удача»! – Глаза Шведа сверкнули, он ожил, от мрачности – не следа, а в жилах – будто сияющий золотой мед. Он светится, что ли? – Это не так и мало. Мне б не помешало немножко кошачьей удачи!

В соседней комнате было полно коробок с загадочными шифрами, несколько стоек, тесно забитых одеждой в чехлах, громадный туристический рюкзак, прозрачные огромные коробки со смотанными цветными веревками и караби-

нами, большой черный диван и – стена-зеркало. Вот просто целиком по всему периметру, без всяких стыков – громадное зеркало. В нем отражался закат над городом, коробки и одежда, крупная стройная Янка с сияющими волосами – и дикая, взъерошенная, в растянутом свитере худышка с бешеными стальными глазами, ростом ниже Янки на голову. Дитё, – правильно Швед говорит. Мурка. Приблудный котенок. Ну и что!!! Да они вообще первые в жизни, кто смотрит на нее по-настоящему! С интересом! Потому что видят в ней что-то нужное для работы! И даже если этого нужного окажется немного – ну и что! Зато она познакомилась с настоящими крутыми молодыми художниками! С золотой парой страшно красивых людей!!! И они привезли ее прямо к себе домой и даже – она посмотрела на великанский черный диван – жить тут приглашают! Пустили ее в свою волшебную, взрослую жизнь! И если надо, чтоб не выгнали из этих новеньких, насквозь проветренных невским простором комнат обратно к бабке, стать им не только моделью для съемок, но и домашней ласковой кошкой, бегать за молоком, мурлыкать и мыть кофейные чашки – она станет!

– Швед, – позвала Янка и, когда тот возник золотистой чеканкой в темном проеме, сказала, постукав носочком белой балетки в ящики с тросами: – Слушай! Тут из-за твоего альпинистского снаряжения места маловато. Ты ж в ближайшее время никуда не едешь? Так давай снесем в подвал в кладовку?

– Да я забыл... Ах да, мне ж еще паракорда прикупить надо, в августе-то мы... Ладно, ты права, до августа еще вечность, – он подхватил тяжело брякнувший рюкзак и коробку с цветными веревками. – Пойду снесу. А вы, девки, давайте, время не теряйте!

– Он еще и альпинист, – уважительно сказала Мурка. – Потому и бородатый? Ну, романтика походов, все такое?

– Борода ему идет, и он, модник, это знает, – улыбнулась Янка. – А что до альпинизма – так он просто любит залезть куда повыше; желательно в южных или ненаших краях. Там внизу полная кладовка всякого такого барахла специально. А что тут валялось – так ему после приезда убрать просто некогда было. Он всего-то на прошлой неделе вокруг Монблана гулял. Ну и восхождения были... Фотки присылал: красота и синий ужас. Небо – кобальт, снег – серебро. Но очень холодно, говорит, было... Вот в августе и захотел куда-нибудь на юг.

– А ты с ним? Ну, в августе?

– Я высоты боюсь. Но люблю эти альплагеря европейские, эти хижинки в горах... Уютно. Посмотрим... Вот, – Янка выбрала несколько чехлов с одеждой, положила на диван. – Эти вроде самые маленькие, но не знаю, примеряй. Потом выходи к нам, гримироваться будем...

Глава 2

Линии призраков

1

В субботу с утра вместо геометрии и прочей физры она проспала до одиннадцати, а потом вместе с сонной, ласковой, как омлетик, Янкой они на громадной кухне – нержавеющей, белизна и сверкание, – попивая зеленый рисовый чай с клубничными чипсами, готовили немислимую зеленую запеканку из брокколи, спаржи, тертой морковки, яиц и огромного количества дорогущего пармезана. Все это, как и целую кучу других нарядных продуктов, в одиннадцать, всех разбудив, приперли в коробках курьеры доставки, и сонный лохматый Швед расплатился с ними картой, а на чай дал синюю бумажку. Блин, откуда у него столько денег? Неужели фотками, пусть даже такими, можно так круто зарабатывать? Молоко тоже привезли, кстати, – зачем за ним ходить-то?

Янка без косметики казалась еще нежнее и милее. Лицо богини из Летнего – Аллегии Красоты? Да нет, Беллоны, что ли... Как она голову наклоняет: вроде бы мило, но на самом деле – безжалостно. Мурка еще присмотрелась: ну да, точно. Вся эта Янкина прелесть – оружие пятисотого леве-

ла. Холодок защекотал меж ушибленных лопаток: что там у Янки внутри, под этой нежнейшей броней? Мурка пошла в комнату с черным диваном, порылась в своей тяжелой папке, нашла рисунки из Летнего – ага, она, Беллона. Похожа. Очень. А Швед на какого бога похож? Или на кого? Непонятно. У него и у Янки – слишком чистые лица. Идеальные. И это странно: в лицах всех людей, на которых Мурка останавливала взгляд, всегда проступало что-то животное. Кто на крысу похож, кто на цыпу. Эволюция, ничего не попишешь. Миллионы лет звериного прошлого. Она вспомнила картинку из учебника со зверьком – первопредком всех млекопитающих. Такая мелкая живучая фигня вроде крысы с пушистым хвостом. От него-то, от пургаториуса, все олени и тюлени, кролики и алкоголики. Вот этот-то пургаториус временами так проступал в лицах одноклассников, учителей, пассажиров в маршрутке, что приходилось закрывать глаза и думать о статуях в Летнем саду. В лицах же статуй ни крысиного, ни свинячьего нет, потому что они – как это? – одухотворены мастером? В смысле – каждый скульптор прячет звериную тоску безволосых обезьяньих морд под маской красоты, гармонии и благолепия. Каждый скульптор, каждый художник – врет. Человек – животное, которое не желает себя таковым признавать, а искусство помогает ему верить в свое богоподобие. Мурка кивнула себе: да, такая игра. Может быть, единственная, в которую имеет смысл играть.

– ...Ты что ушла, котенок? Слушай, а ты все свои рисунки

с собой всегда таскаешь? – вошла Янка. – То-то я смотрю, папка тяжелая.

– Которые похуже – дома... А эти мне нравятся. Боюсь оставлять.

– Бабка испортит? – Янка присела на краешек дивана.

– Нет, она их ворует. В скупку антикварную носит. У нее там старый хрыч знакомый – бумагу состаривает как-то и потом за Серебряный век продает. Она даже мои детские рисунки воровала, цветными карандашиками еще, а старый хрен их коптил, пересушивал и тоже продавал – мол, рисунки детей, погибших в блокаду. Одно время она меня даже пыталась заставить специально блокадные картинки рисовать. Фиг. Теперь в детский садик ходит, выпрашивает... Да ну ее, – усмехнулась Мурка. – Мать хуже, она вообще просто перед продажей квартиры взяла все-все выгребла, пока я в школе была, и тупо спалила во дворе за мусорными баками. Так что в этой папке только то, что я за этот год нарисовала. Берегу.

– Это очень много. А посмотреть можно?

– Давай потом. – Мурка никому не хотела показывать Ваську. Она скорей протянула Янке Беллону: – Смотри. Ты без макияжа – вылитая она. Богиня.

Янка притихла, рассматривая рисунок. Потом встала и подошла к зеркалу, потопталась, поймала позу – и замерла, косясь на рисунок. Вздрогнула, ожила и убежала к Шведу:

– Золотой мой, ты только посмотри!.. Дитё-то правда дико

талантливое!!! Ты глянь, глянь!

Из студии донеслось беззлобное, бархатное ворчание Шведа – в том смысле, что ему мешают работать, что да, талантливое, по съемке ясно, и, блин, где вообще обед – и резко оборвалось. Мурка запихала выставяющиеся углы рисунков в папку и застегнула молнию. Захотелось на папку сесть. Или спрятать под диван. Там в ней еще папка поменьше, синяя Васькина, тоже глухо застегнутая. И того, что там застегнуто, – никто видеть не должен. Никто! Через минуту они вошли оба, золотой и белая, юные боги счастья, такие сияющие, будто в ДНК у них пургаториусом и не пахнет. Швед осторожно нес Беллону за самые краешки:

– Кошка, ты это сама рисовала? Прямо вообще сама-сама?

– Я рисовать умею: закончила художку.

– Это видно, но вот... Слишком круто для такой девчонки. А ты преподам на подготовительных показывала?

– Свои – нет. Только задания.

Швед подсел к ней – и к папке! – на диван, заглянул снизу в лицо, попросил бархатно:

– Ну, мне покажи еще, а? Котенок мой замечательный, ну тебе жалко, что ли?

Он и вчера на съемках порой впадал в этот приторный тон, каким говорят с милыми детками: хотел быть старшим и ласковым, но не умел. Но смотрел как на человека, поэтому пусть говорит, как хочет... Мурка приоткрыла молнию на папке, вытащила несколько мелких, на А4 рисунков из

Летнего:

– Эти я для туристов рисую.

– На еду зарабатываешь? – распереживалась Янка.

– И на бумагу, трусы и кино, – безжалостно ответила Мурка. – Немного, но хватает.

Швед рассматривал аполлонов, помон и нимф молча – взглядом зорким, тяжелым. Когда он так вчера смотрел во время съемки на нее саму, все в животе замирало и щекотно ежилось. Кивнув, он бережно подровнял стопку рисунков и перевел прозрачные, янтарно-жадные глаза на Мурку. Она сдалась и вытащила рисунки получше: статуи, портреты зверюшек-одноклассников, натюрморты из странных вещей вроде туфель, перевернутых будильников и безглазых пупсов, иллюстрации к страшным сказкам – ну, и учебные работы с подготовительных.

– Я хочу на книжную графику поступить, – объяснила Мурка, когда Швед, посмотрев на дикую, злую картинку про Красную Шапочку, поднял на нее обалделые глаза. – Ну и графические книги рисовать...

– Да тут готовый концепт-арт, – Швед посмотрел на рисунок, передернулся и спрятал его под другие. – Лихо, однако... Да ты, я смотрю, только с виду бедная детишка... А внутри-то – бешеный гений!

Янка села рядом со Шведом и прижалась к нему. Оба они изучали каждую работу подолгу. Янка иногда показывала розовым леденцовым ноготком то на одно место в рисунке,

то на другое, Швед кивал – а Мурка не могла понять, что они видят: ошибки или удачи? Наконец Швед поднял глаза:

– Ты что, вторую жизнь живешь, что ли?

– А?

– Ты – мастер.

– Я просто много рисую. И много всего смотрю.

– Я тоже много рисую и много смотрю, – сказала Янка.

– Но чтоб – так... С такой техникой... Еще толком не учившись... Может, ты правда какая-то... Трехглазая?

Ну и что отвечать на такое?

А Швед показал на папку:

– Там еще чего-то много, а?

– Там самое интересное, – сказала правду Мурка, думая про синюю, Васенькину, папку. – Но давайте не сейчас. А когда я к вам немножко побольше привыкну. Я... Я покажу, правда. Может... Может, вы мне подскажите, что с этим можно сделать.

2

А вечером Швед снова закрыл окно плотной светонепроницаемой шторой, установил свет и позвал работать. Янка опять надела зеленый комбинезон, оставлявший только жуткие дырки на месте глаз, откуда посверкивали синенькие огоньки. Потом Швед превратит зеленую фигуру в чудовище, добавит фон, детали, и получится жуткая странная кар-

тинка. Вчера Янка истискала ее так, что до сих пор ребра болят. И лопатки... Днем Швед показал несколько готовых картинок, все утро работал: белый ангел извивается в клешнях склизкого краба, дитя в рваном платье целует вурдалака – странная жуть, от которой мурашки не только меж лопаток... А уж Красная Шапочка...

– Кто это покупает? – передернувшись, спросила она.

– Да есть клиенты, – усмехнулся Швед. – Тебя вон тоже зацепило, я заметил, а ведь полно таких, кто совсем «добрый вечер», – он покрутил пальцем у виска. – А еще я фотографирую богатых дамочек скупающих. Фантазии их воплощаю. Тут, на днях буквально, одна из Берлина прилетела, отдохнуть на родине: «Меня надо сфотографировать мужу в подарок, и я выбрала образ развратной феи, вы понимаете?» Натюрлих, понимаем. Муж-то на съемку одобрил бюджет в триста тысяч, чего тут не понять. Любой каприз за ваши деньги... Нам одного реквизита из антикварок на семьдесят тысяч осталось, тоже доход... А так вообще я все снимаю, только у богатых. Хоть новобрачных, хоть новорожденных, хоть новопреставленных. Семейная съемка, детская, закрытые корпоративы, карнавалы для избранных, портретная съемка, приватная, секретная... Деньги. Бизнес. А вот ты... Ты – мое творчество. И ты, – он улыбнулся Янке, – тоже творчество.

К ночи Мурка устала так, что, пока Швед менял свет, прилегла прямо на фон, положила голову на руку и закрыла гла-

за.

– Лежи, лежи, – странно сказал Швед. – Нет, глазки не открывай. Поспи, если хочешь... То, что надо. Янка, прикрой ее какой-нибудь рваниной...

Стало тепло от включившегося софтбокса. Швед и Янка шептались где-то далеко, потом она почувствовала нежное прикосновение гримерской кисточки...

– Лапочка моя, – пробормотала Янка. – Спи.

И Мурка в самом деле уснула.

С утра так сияло майское небо, что Швед постоял у окна, жмурясь на синюю Неву и белых, ослепительных на солнце чаек, засмеялся – и они вдруг поехали на залив. Встречать лето: куда-нибудь подальше, за Зеленогорск, – куда не добрались сограждане с детьми, собаками и шашлыками. Но парочку фотов он с собой прихватил и, когда они нашли далеко-далеко удивительное место: берег вдоль кромки воды будто великаны вымостили большими и малыми розоватыми валунами, солнце сияет, морем пахнет, чайки орут, – конечно, устроил съемку. Только позировать нельзя, а – просто жить... Рассматривая на обратном пути фотки прямо с фота, Мурка в который раз изумилась: как у Шведа такое получается? Обычные вроде снимки: Янка с золотыми волосами, море, валуны, она сама, несуразное, костлявое и счастливое сероглазое существо, – а защемило сердце. Почему человеческая жизнь такая яркая – но жутко короткая? Почему вот

она, Мурка, может скакать по мокрым валунам в сверкающих брызгах и смотреть в синее море, а Васька... Странно как-то. Она только первый раз за два дня про него вспомнила. Не рисовала. Не помнила о нем. Почему? Мурка посмотрела в окно: машина летела по КАДу домой, слева – самолетик вон садится, там Левашовский аэродром, справа – ай! – мелькнули серые памятники выходящего к КАДу угла Северного кладбища. Васька там. Родной, лобастый, хитрый Васька... Далеко, на новых участках, там даже деревьев нет. Глубоко-глубоко под землей... Мурка сжалась на сиденье, подобрал колени. Янка оглянулась:

– Ты как? Все норм?

– Норм. Снимки уже летние-летние! Спасибо за такой классный день!

Она вернулась к фоту, стала листать дальше: море, камни, синее небо, золотая Янка... Ой!

Васька!

Она едва удержала тяжелый фот в руках. В сером пространстве между мирами, положив голову на руку, спал худой, жалкий Васенька, накрытый серым рваным свитером. Выставлялись колени и щиколотки в синяках и ссадинах, плечо, родной локоток... Щека, ушко, шейка, вихры... Как он устал, как он замерз, бедный, в этом сером мире в нигде... Блин! Дура!!! Это же она сама!!! Это вчера, как она уснула, Швед все фоткал и фоткал! Она полистала снимки дальше: да... Ракуры разные... Свет отличается... Она посмотрела

в рыжий надежный затылок Шведа и чуточку успокоилась. Потом глянула в правое окно: кладбище давно проехали, конечно, КАД летит серой полосой с бесконечными мертвыми деревьями за ограждением... Она снова уставилась в снимок: мир «нигде». Мальчик, которого похоронили прошлым летом. Мальчик. Братик. Бедненький... Не мертвый вовсе, а просто спит. Вот он. То есть это она сама. Это она. Или все-таки – он?

И странные же мысли приходят в голову...

3

...После школы она побрела домой к бабке забрать учебники и вещи. Швед велел забрать все, что можно утащить самой, и приехать на такси. Странный все же поворот жизни: раз, и она уже как будто и не она, одинокий звереныш, а нужная модель с фактурной, особенной внешностью. На невидимом золотом поводке привязанности к новому волшебному, красивому миру, где софтбоксы, запеканки с брокколи, залив, щелчки затвора, красивые и умные, жутко талантливые Швед и Янка, серебристые с изнанки волшебные зонтики, зоркий и тяжелый, насквозь, до золотой щекотки, взгляд Шведа... И поводок этот невидимый у него в руках. Ну и что. Пусть на поводке, но ее туда взяли, потому что она стала нужна. И будут съемки, лето, красота во всем... Она поступит, попросит комнату в общежитии, подзаработает денег – и

настанет свобода и счастье...

Она зашла в парадную. Сколько ни моют – даже пароочистителем проходили, когда появились «богатые» квартиры и «хостел» на четвертом, – все равно смердит раскольниковской нищетой. Архитектор строил-строил эту свою поэму, старался; и конечно, бедный, даже представить не мог, что с его домом сделают конвульсии истории и родное простонародье. По истертым и избитым – узбеки во время ремонта в богатейской квартире сбрасывали чугунные батареи прямо так, с грохотом по мрамору – ступеням дошагала к себе на третий, стараясь не наступать на сколы, выбоины и трещины, будто это правда раны в живом теле. Перед облезлой двустворчатой, осевшей дверью уж было достала ключ – раздался звонок. Она вытащила телефон – о! Хм, ладно:

– Але?

– Але, Малыша? – обрадовался любящий хриповатый голос. – Да где ж ты пропадала? Я аж танцевать готов, что тебя наконец камеры увидели! Поднимись на немножко, дело есть!

– Ок, иду, – Мурка сунула телефон в карман и стала подниматься на четвертый. Там располагался «хостел». Как бы «хостел». Вместо китайцев и москвичей с чемоданами туда поднимались шмыговатые или вальяжные дядечки налегке. Дядечки-то знали, что на четвертом этаже вовсе и не хостел. А уютное, дорогое, грамотно охраняемое «заведение». В петербургском стиле, ага. На бледно-кремовых сте-

нах комнат-номеров там висели большие, на АЗ, прекрасные и отвратительно притягательные рисунки в шикарных позолоченных рамках. Великолепно выполненные ею, Муркой, в стиле ар-нуво. Некоторые из них Мурка рисовала прямо в номерах. С натуры, да. А некоторые – дома по ночам, насмотревшись японских мультиков до тошноты. Или срисовывая нужные композиции со стоп-кадров элитной порнушки. Ну и что. Деньги-деньги-деньги. Money-money-money. И не стыдно нисколечко вообще: ведь вот – рюкзачок, вот – курточка, вот – кроссовочки, вот – деньги на еду. И заразы ж такие деньги эти – так быстро кончаются!

Тяжелая, многослойно-металлическая дверь «хостела» радушно отворилась ей навстречу:

– Малыша! Привет, золотко! – Администратор Митя, шестидесятилетний, худенький, похожий на енота, в черно-белой полосатой жилетке, сиял ей навстречу черными бусинками глаз за прямоугольничками очков и дружески растопыривал лапки с черным маникюром: – Входи скорей. Кофе будешь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.